

СКУКА ЖИЗНИ

По наблюдению опытных людей, нелегко расстаются с здешнею жизнью и *старцы*; при этом они нередко обнаруживают свойственные их возрасту — скупость и жадность, а также мнительность, малодушие, строптивость, неудовольствие и т. д.

(«Практическое руководство для священнослужителей». П. Нечаев)

У полковницы Анны Михайловны Лебедевой умерла единственная дочь, девушка-невеста. Эта смерть повлекла за собою другую смерть: старуха, ошеломленная посещением Бога, почувствовала, что все ее прошлое безвозвратно умерло и что теперь начинается для нее другая жизнь, имеющая очень мало общего с первою...

Она беспорядочно заторопилась. Прежде всего она послала на Афон тысячу рублей и пожертвовала на кладбищенскую церковь половину домашнего серебра. Немного погодя она бросила курить и дала обет не есть мяса. Но от всего этого ей нисколько не полегчало, а напротив, чувство старости и близости смерти становилось все острее и выразительней. Тогда Анна Михайловна продала за бесценок свой городской дом и без всякой определенной цели поспешила к себе в усадьбу.

Раз в сознании человека, в какой бы то ни было форме, поднимается запрос о целях существования и является живая потребность заглянуть по ту сторону гроба, то уж тут не удовлетворят ни жертва, ни пост, ни мыканье с места на место. Но, к счастью для Анны Михайловны, тотчас по приезде ее в Женино, судьба навела ее на случай, который заставил ее на-

долго забыть о старости и близкой смерти. Случилось, что в день ее приезда повар Мартын облил кипятком себе обе ноги. Поскакали за земским доктором, но дома его не застали. Тогда Анна Михайловна, брезгливая и чувствительная, собственноручно омыла раны Мартына, смазала их спуском и наложила на обе ноги повязки. Всю ночь просидела она у постели повара. Когда благодаря ее стараниям Мартын перестал стонать и уснул, душу ее, как потом она рассказывала, что-то «осенило». Ей вдруг показалось, что перед нею, как на ладони, открылась цель ее жизни... Бледная, с влажными глазами, она благоговейно поцеловала в лоб спящего Мартына и стала молиться.

После этого Лебедева занялась лечением. В дни греховной, неряшливой жизни, о которой она вспоминала теперь не иначе как с отвращением, ей, от нечего делать, приходилось много лечиться. Кроме того, в числе ее любовников были доктора, от которых она кое-чему научилась. То и другое пригодилось ей теперь как нельзя кстати. Она выписала аптечку, несколько книг, газету «Врач» и смело приступила к лечению. Сначала у нее лечились обитатели одного только Женино, потом же к ней стала стекаться публика из всех окрестных деревень.

— Представьте, моя милая! — хвалилась она по падье месяца через три после приезда, — вчера у меня было шестнадцать больных, а сегодня так целых двадцать! Так я утомилась с ними, что едва на ногах стою. Весь опий у меня вышел, представьте! В Гурьино эпидемия дизентерии!

Каждое утро, просыпаясь, она вспоминала, что ее ждут больные, и сердце ее обливалось приятным холодком. Одевшись и наскоро напившись чаю, она начинала приемку. Процедура приемки доставляла

ей невыразимое наслаждение. Сначала она медленно, как бы желая продлить наслаждение, записывала больных в тетрадку, потом вызывала каждого по очереди. Чем тяжелее страдал больной, чем грязнее и отвратительнее был его недуг, тем слаще казалась ей работа. Ничто ей не доставляло такого удовольствия, как мысль, что она борется со своею брезгливостью и не щадит себя, и она нарочно старалась подольше копать в гнойных ранах. Бывали минуты, что она, словно упоенная безобразием и зловонием ран, впадала в какой-то восторженный цинизм, когда являлось нестерпимое желание насиловать свою природу, и в эти минуты ей казалось, что она стоит на высоте своего призвания. Она обожала своих пациентов. Чувство подсказывало ей, что это ее спасители, а рассудочно она хотела видеть в них не отдельных личностей, не мужиков, а нечто абстрактное — народ! Потому-то она была с ними необыкновенно мягка, робка, краснела перед ними за свои ошибки и на приемах всегда имела вид виноватой...

После каждой приемки, которая отнимала больше полудня, она, утомленная, красная от напряжения и больная, спешила занять себя чтением. Читала она медицинские книги или тех из русских авторов, которые наиболее подходили к ее настроению.

Зажив новой жизнью, Анна Михайловна почувствовала себя свежей, довольной и почти счастливой. Большой полноты жизни она и не хотела. А тут еще, точно в довершение счастья, как бы вместо десерта, обстоятельства сложились так, что она помирилась со своим мужем, перед которым чувствовала себя глубоко виноватой. Лет 17 тому назад, вскоре после рождения дочери, она изменила своему мужу Аркадию Петровичу и должна была разойтись с ним. С тех пор она его не видала. Служил он где-то на юге в ар-

тиллерии батарейным командиром и изредка, раза два в год, присылал дочери письма, которые та старательно прятала от матери. После же смерти дочери Анна Михайловна неожиданно получила от него большое письмо. Старческим, расслабленным почерком писал он ей, что со смертью единственной дочери он потерял последнее, что привязывало его к жизни, что он стар, болен и жаждет смерти, которой в то же время боится. Он жаловался, что все ему надоело и опротивело, что он перестал ладить с людьми и ждет не дождется того времени, когда сдаст батарею и уйдет подальше от дрязг. В заключение он просил жену бога ради молиться за него, беречь себя и не предаваться унынию. У стариков завязалась усердная переписка. Насколько можно было понять из последующих писем, которые все были одинаково слезливы и мрачны, полковнику приходилось жутко не от одних только болезней и лишения дочери: он залез в долги, перессорился с начальством и с офицерством, запустил свою батарею до невозможности сдать ее и т. д. Переписка между супругами продолжалась около двух лет и кончилась тем, что старик подал в отставку и приехал на житье в Женино.

Приехал он в февральский полдень, когда женинские стройки прятались за высокими сугробами и в прозрачном, голубом воздухе вместе с крепким, трескучим морозом стояла мертвая тишина.

Глядя в окно, как он вылезал из саней, Анна Михайловна не узнала в нем своего мужа. Это был маленький, сгорбленный старичок, совсем уже дряхлый и развинченный. Анне Михайловне прежде всего бросились в глаза старческие складки на его длинной шее и тонкие ножки с туго сгибаемыми коленями, похожие на искусственные ноги. Расплачиваясь

с ямщиком, он долго ему что-то доказывал и в заключение сердито плюнул.

— Даже говорить с вами противно! — услышала Анна Михайловна старческое брюзжанье. — Пойми, что просить на чай безнравственно! Каждый должен получать только то, что он заработал, да!

Когда он вошел в переднюю, Анна Михайловна увидела желтое лицо, не подрумяненное даже морозом, с выпуклыми рачьими глазами и с жидкой бородкой, в которой седые волосы мешались с рыжими. Аркадий Петрович одной рукой обнял свою жену и поцеловал ее в лоб. Взглянув друг на друга, старики как будто чего-то испугались и страшно сконфузились, точно им стало стыдно своей старости.

— Ты как раз вовремя! — поспешила заговорить Анна Михайловна. — Только сию минуту на стол собрали! Отлично ты покушаешь с дороги!

Сели обедать. Первое блюдо съели молча. Аркадий Петрович вынул из кармана толстый бумажник и рассматривал какие-то записочки, а его жена старательно приготавливала салат. У обоих за спинами были груды материала для разговора, но ни тот, ни другая не касались этих груд. Оба чувствовали, что воспоминание о дочери вызовет острую боль и слезы, а от прошлого, как из глубокой, укусной бочки, веяло духотой и мраком...

— А, ты не ешь мяса! — заметил Аркадий Петрович.

— Да, я дала обет не есть ничего мясного... — тихо ответила жена.

— Что ж? Это не повредит здоровью... Если химически разобрать, то рыба и всё вообще постное состоит из тех же элементов, как и мясо. В сущности, ничего нет постного... («Для чего это я говорю?» —

подумал старик.) Этот, например, огурец так же скромн, как и цыпленок...

— Нет... Когда я ем огурец, то знаю, что его не лишили жизни, не проливали крови...

— Это, моя милая, оптический обман. С огурцом ты съедаешь очень много инфузорий, да и сам огурец разве не жил? Растения ведь тоже организмы! А рыба?

«К чему я эту чепуху говорю?» — подумал еще раз Аркадий Петрович и тотчас же начал быстро рассказывать об успехах, которые делает теперь химия.

— Просто чудеса! — говорил он, с трудом пережевывая хлеб. — Скоро химически будут готовить молоко и дойдут, пожалуй, до мяса! Да! Через тысячу лет в каждом доме вместо кухни будет химическая лаборатория, где из ничего не стоящих газов и тому подобное будут готовить все что хочешь!

Анна Михайловна глядела на его беспокойно бегающие рачьи глаза и слушала. Она чувствовала, что старик говорит о химии только для того, чтобы не заговорить о чем-нибудь другом, но тем не менее его теория о постном и скоромном заняла ее.

— Ты генералом вышел в отставку? — спросила она, когда он вдруг умолк и начал сморкаться.

— Да, генералом... Ваше превосходительство...

Генерал говорил весь обед, не умолкая, и обнаружил таким образом чрезмерную болтливость — свойство, какого во времена оны, в молодости, Анна Михайловна не знала за ним. От его болтовни у старухи разболелась голова.

После обеда он отправился к себе в комнату на отдых, но, несмотря на утомление, ему не удалось уснуть. Когда перед вечерним чаем вошла к нему старуха, он лежал, скорчившись, под одеялом, таращил глаза на потолок и выпускал прерывистые вздохи.

— Что с тобой, Аркадий? — ужаснулась Анна Михайловна, взглянув на его посеревшее и вытянутое лицо.

— Ни... ничего... — проговорил он. — Ревматизм.

— Отчего же ты не скажешь? Может быть, я могу помочь тебе!

— Нельзя помочь...

— Если ревматизм, то иодом помазать... салицилового натра внутрь...

— Чепуха все это... Восемь лет лечился... Не стучи так ногами! — крикнул вдруг генерал на старуху-горничную, злобно вытаращив на нее глаза. — Стучит, как лошадь!

Анна Михайловна и горничная, давно уже отвыкшие от такого тона, переглянулись и покраснели. Заметив их смущение, генерал поморщился и отвернулся к стене.

— Я должен предупредить тебя, Анюта... — простонал он. — У меня несноснейший характер! К старости я брюзгой стал...

— Переломить себя надо... — вздохнула Анна Михайловна.

— Легко сказать: надо! Надо, чтоб и боли не было, да вот не слушается природа нашего «надо»! Ох! А ты, Анюта, выйди... Во время боли присутствие людей меня раздражает... Говорить тяжело...

Протекли дни, недели, месяцы, и Аркадий Петрович мало-помалу освоился на новом месте: он привык и к нему привыкли. На первых порах он жил в доме безвыходно, но старость и тяжесть его несноснейшего характера чувствовались во всем Женине. Обыкновенно просыпался он очень рано, часа в четыре утра; день его начинался с пронзительного старческого кашля, будившего Анну Михайловну и всю прислугу. Чтобы убить чем-нибудь длинное время

от раннего утра до обеда, он, если ревматизм не сковывал его ног, бродил по всем комнатам и придирался к беспорядкам, которые виделись ему всюду. Его раздражало все: лень прислуги, громкие шаги, пение петухов, дым из кухни, церковный звон... Он брюзжал, бранился, гонял прислугу, но после каждого бранного слова хватал себя за голову и говорил плачущим голосом:

— Боже, какой у меня характер! Невыносимый характер!

А за обедом он много ел и без умолку болтал. Говорил он о социализме, о новых военных реформах, о гигиене, а Анна Михайловна слушала и чувствовала, что все это говорилось для того только, чтобы не говорить о дочери и о прошедшем. Обоим все еще в присутствии друг друга было неловко и как будто чего-то стыдно. Только вечерами, когда в комнатах стояли сумерки и за печкой уныло покрикивал сверчок, эта неловкость исчезала. Они сидели рядом, молчали, и в это время души их словно шептались о том, чего они оба не решались высказывать вслух. В это время они, согревая друг друга остатками жизненной теплоты, отлично понимали, о чем думает каждый из них. Но вносила горничная лампу, и старик опять принимался болтать или брюзжать на беспорядки. Дела у него не было никакого. Анна Михайловна хотела было втянуть его в свою медицину, но на первой же приемке он зевал и хандрил. Привязать его к чтению тоже не удалось. Читать долго, часами, он, привыкший на службе к чтению урывками, не умел. Достаточно ему было прочесть 5–6 страничек, чтобы он утомлялся и снимал очки.

Но наступила весна, и генерал резко изменил свой образ жизни. Когда от усадьбы в зеленое поле и к деревне забегали свежепротопанные тропинки

и на деревьях перед окнами закопошились птицы, он неожиданно для Анны Михайловны стал ходить в церковь. Ходил он в церковь не только по праздникам, но и в будни. Такое религиозное усердие началось с панихиды, которую старик тайком от жены отслужил по дочери. Во время панихиды он стоял на коленях, клал земные поклоны, плакал, и ему казалось, что он горячо молился. Но то была не молитва. Отдавшись весь отеческому чувству, рисуя в памяти черты любимой дочери, он глядел на иконы и шептал:

— Шурочка! Дитя мое любимое! Ангел мой!

Это был припадок старческой грусти, но старик вообразил, что в нем происходит реакция, переворот. На другой день его опять потянуло в церковь, на третий тоже... Из церкви возвращался он свежий, сияющий, с улыбкой во все лицо. За обедом темой для его неумолкаемой болтовни служила уже религия и богословские вопросы. Анна Михайловна, входя к нему в комнату, несколько раз заставляла его за перелистыванием Евангелия. Но, к сожалению, это религиозное увлечение продолжалось недолго. После одного особенно сильного припадка ревматизма, который продолжался целую неделю, он уже не пошел в церковь: как-то не вспомнил, что ему нужно идти к обеду...

Ему вдруг захотелось общества.

— Не понимаю, как это можно жить без общества! — стал он брюзжать. — Я должен сделать соседям визиты! Пусть это глупо, пусто, но, пока я жив, я должен подчиняться условиям света!

Анна Михайловна предложила ему лошадей. Он сделал соседям визиты, но уж во второй раз к ним не поехал. Потребность быть в обществе людей удовлетворялась тем, что он семенял по деревне и придирался к мужикам.

Однажды утром он сидел в столовой перед открытым окном и пил чай. Перед окном в палисаднике около кустов сирени и крыжовника сидели на скамьях мужики, пришедшие к Анне Михайловне лечиться. Старик долго щурил на них глаза, потом забрюзжал:

— Ces poujiks...¹ Объекты гражданской скорби... Чем от болезней лечиться, вы бы лучше пошли куда-нибудь от подлостей и гадостей полечиться.

Анна Михайловна, обожавшая своих пациентов, оставила разливать чай и с немым удивлением поглядела на старика. Пациенты, не выдавшие в доме Лебедева ничего, кроме ласки и теплого участия, тоже удивились и поднялись с мест.

— Да, господа мужички... ces poujiks... — продолжал генерал. — Удивляете вы меня. Очень удивляете! Ну, не скоты ли? — повернулся старик к Анне Михайловне. — Уездное земство дало им займы для посева овса, а они взяли да и пропили этот овес! Не один пропили, не двое, а все! Кабатчикам некуда было овес ссыпать... Хорошо это? — повернулся генерал к мужикам. — А? Хорошо?

— Оставь, Аркадий! — прошептала Анна Михайловна.

— Вы думаете, земству этот овес даром достался? Какие же вы после этого граждане, если вы не уважаете ни своей, ни чужой, ни общественной собственности? Овес вот вы пропили... лес вырубил и тоже пропили... воруете всё и вся... Моя жена вас лечит, а вы у нее забор разворовали... Хорошо это?

— Довольно! — простонала генеральша.

— Пора за ум взяться... — продолжал брюзжать Лебедев. — Глядеть на вас стыдно! Ты вот, рыжий,

¹ Эти мужики (*фр.*).

пришел лечиться — нога у тебя болит? — а не позаботился дома ноги помыть... На вершок грязи! Надеешься, невежа, что тут обмоют! Вбили себе в голову, что они ces poujiks, ну и воображают, что уж могут верхом на людях ездить. Венчал поп какого-то Федора, здешнего столяра. Столяр ему ни копейки не заплатил. «Бедность! — говорит. — Не могу!» Ну ладно. Только поп заказывает этому Федору полочку для книг... Что ж ты думаешь? Раз пять он к попу за получением приходил! А? Ну, не скотина ли? Сам попу не заплатил, а...

— У попа и без того денег много... — угрюмо пробасил один из пациентов.

— А ты почему знаешь? — вспыхнул генерал, вскакивая и высовываясь в окно. — Ты нешто заглядывал попу в карман? Да будь он хоть миллионер, а ты не должен пользоваться даром его трудами! Сам не даешь даром, так и не бери даром! Ты не можешь себе представить, какие у них мерзости творятся! — повернулся генерал к Анне Михайловне. — Ты побывала бы на их судах да на сходах! Это разбойники!

Генерал не унялся, даже когда началась приемка. Он придирался к каждому больному, передразнивал, объяснял все болезни пьянством и распутством.

— Ишь какой худой! — ткнул он одного пальцем в грудь. — А отчего? Есть нечего! Пропил всё! Ведь ты овес земский пропил?

— Что и говорить, — вздохнул больной, — прежде при господах лучше было...

— Врешь! Лжешь! — вспылел генерал. — Ведь ты говоришь это не искренно, а чтобы лесть сказать!

На другой день генерал опять сидел у окна и пропекал больных. Это занятие увлекло его, и он стал сидеть у окна ежедневно. Анна Михайловна, видя, что ее супруг не унимается, начала принимать больных

в амбаре, но генерал добрался и до амбара. Старуха со смирением сносила это «испытание» и выражала свой протест только тем, что краснела и раздавала обруганным больным деньги; когда же больные, которым генерал пришлось сильно не по вкусу, стали ходить к ней все реже и реже, она не выдержала. Однажды за обедом, когда генерал сострил что-то насчет больных, глаза ее вдруг налились кровью и по лицу забегали судороги.

— Я просила бы тебя оставить моих больных в покое... — сказала она строго. — Если ты чувствуешь потребность изливать на ком-нибудь свой характер, то брани меня, а их оставь... Благодаря тебе они перестали ходить лечиться.

— Ага, перестали! — ухмыльнулся генерал. — Обиделись! Юпитер, ты сердисься, значит, ты не прав. Хо-хо... А это, Анюта, хорошо, что они перестали ходить. Я очень рад... Ведь твое лечение не приносит ничего, кроме вреда! Вместо того чтоб лечиться в земской больнице у врача, по правилам науки, они ходят к тебе от всех болезней содой да касторкой лечиться. Большой вред!

Анна Михайловна пристально поглядела на старика, подумала и вдруг побледнела.

— Конечно! — продолжал болтать генерал. — В медицине прежде всего нужны знания, а потом уж филантропия, без знаний же она — шарлатанство... Да и по закону ты не имеешь права лечить. По-моему, ты гораздо больше принесешь пользы больному, если грубо погонишь его к врачу, чем сама начнешь лечить.

Генерал помолчал и продолжал:

— Если тебе не нравится мое обращение с ними, то изволь, я прекращу разговоры, хотя, впрочем... если рассуждать по совести, искренность по отноше-

нию к ним гораздо лучше молчания и поклонения. Александр Македонский великий человек, но стульев ломать не следует, так и русский народ — великий народ, но из этого не следует, что ему нельзя в лицо правду говорить. Нельзя из народа болонку делать. Эти *ses poujiks* такие же люди, как и мы с тобой, с такими же недостатками, а потому не молиться на них, не нянчиться, а учить их нужно, исправлять... внушать...

— Не нам их учить... — пробормотала генеральша. — Мы у них поучиться можем.

— Чему это?

— Мало ли чему... Да хоть бы... трудолюбию...

— Трудолюбию? А? Ты сказала: трудолюбию?

Генерал поперхнулся, вскочил из-за стола и зашагал по комнате.

— А я разве не трудился? — вспыхнул он. — Впрочем... я интеллигент, я не *poujik*, где же мне трудиться? Я... я интеллигент!

Старик не на шутку обиделся, и его лицо приняло мальчишески-капризное выражение.

— Через мои руки тысячи солдат прошло... я околевал на войне, схватил на всю жизнь ревматизм и... и я не трудился! Или, скажешь, мне у этого твоего народа страдать поучиться? Конечно, разве я страдал когда-нибудь? Я потерял родную дочь... то, что привязывало еще к жизни в этой проклятой старости! И я не страдал!

При внезапном воспоминании о дочери старики вдруг заплакали и стали утираться салфетками.

— И мы не страдаем! — всхлипывал генерал, давая волю слезам. — У них есть цель жизни... вера, а у нас одни вопросы... вопросы и ужас! Мы не страдаем!

Оба старика почувствовали друг к другу жалость. Они сели рядом, прижались друг к другу и запла-

кали вместе часа два. После этого они смело уже глядели в глаза один другому и смело говорили о дочери, о прошедшем и о грозившем будущем.

Вечером легли они спать в одной комнате. Старик говорил без умолку и мешал жене спать.

— Боже, какой у меня характер! — говорил он. — Ну, к чему я говорил тебе все это? Ведь то были иллюзии, а человеку, особенно в старости, естественно жить иллюзиями. Своей болтовней я отнял у тебя последнее утешение. Знала бы себе до смерти лечила мужиков да не ела мяса, так нет же, дергал меня черт за язык! Без иллюзий нельзя... Бывает, что целые государства живут иллюзиями... Знаменитые писатели на что, кажется, умны, но и то без иллюзий не могут. Вот твой любимец семь томов про «народ» написал!

Час спустя генерал ворочался и говорил:

— И почему это именно в старости человек следит за своими ощущениями и критикует свои поступки? Отчего бы в молодости ему не заниматься этим? Старость и без того невыносима... Да... В молодости вся жизнь проходит бесследно, едва зацепляя сознание, в старости же каждое малейшее ощущение гвоздем сидит в голове и поднимает уйму вопросов...

Старики уснули поздно, но встали рано. Вообще, после того, как Анна Михайловна оставила лечение, спали они мало и плохо, отчего жизнь казалась им вдвое длиннее... Ночи коротали они разговорами, а днем без дела слонялись по комнатам или по саду и вопросительно заглядывали в глаза друг другу.

К концу лета судьба послала старикам еще одну «иллюзию». Анна Михайловна, войдя однажды к мужу, застала его за интересным занятием: он сидел за столом и с жадностью ел тертую редьку с конопля-

ным маслом. На его лице ходуном ходили все жилки и около углов рта всхлипывали слюнки.

— Покушай-ка, Анята! — предложил он. — Великолепие!

Анна Михайловна нерешительно попробовала редьку и стала есть. Скоро и на ее лице появилось выражение жадности...

— Хорошо бы, знаешь, тово... — говорил генерал в тот же день, ложась спать. — Хорошо бы, как это жиды делают, распороть щуке брюхо, взять из нее икру и, знаешь, с зеленым луком... свежую...

— А что же? Щуку нетрудно поймать!

Раздетый генерал отправился босиком в кухню, разбудил повара и заказал ему поймать щуку. Наутро Анне Михайловне захотелось вдруг балыка, и Мартын должен был скакать в город за балыком.

— Ах, — испугалась старуха, — забыла я сказать ему, чтобы кстати он и мятных пряников купил! Мне что-то сладенького захотелось.

Старики отдались вкусовым ощущениям. Оба сидели безвыходно в кухне и взапуски изобретали кушанья. Генерал напрягал свой мозг, вспоминал лагерную, холостяцкую жизнь, когда самому приходилось заниматься кулинарией, и изобретал... Из числа изобретенных им кушаний обоим понравилось в особенности одно, приготовляемое из риса, тертого сыра, яиц и сока пережаренного мяса. В эту еду входит много перца и лаврового листа.

Пикантным блюдом закончилась последняя «иллюзия». Ему суждено было быть последнею прелестью обеих жизней.

— Вероятно, дождь будет, — говорил в одну сентябрьскую ночь генерал, у которого начинался припадок. — Не следовало бы мне сегодня есть так много этого риса... Тяжело!

СОДЕРЖАНИЕ

Скука жизни	5
Пустой случай	22
Враги	34
Письмо	51
Казак	65
Счастье	72
Свирель	84
Поцелуй	94
Гусев	117
Попрыгунья	133
Соседи	164
Скрипка Ротшильда	187
Студент	199
Учитель словесности	204
Ариадна	233
У знакомых	265
Человек в футляре	287
Крыжовник	303
О любви	316
Новая дача	328
В овраге	345
Архиерей	392
Комментарии. <i>А. Д. Степанов</i>	412